

**ПРИЧИНЫ ДОМАШНЕГО (БЫТОВОГО) НАСИЛИЯ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Махмудов Хасан Шерзод угли

Студент магистратуры ТГЮУ

Домашнее (бытовое) насилие представляет собой наиболее латентную форму насильственной преступности с устойчивой тенденцией к расширенному воспроизводству. По данным ООН, каждые десять минут в мире жизнь женщины прерывается от руки партнёра или члена семьи¹. В Республике Узбекистан 78% жертв не обращаются в правоохранительные органы², а более половины возбуждённых уголовных дел прекращается через примирение — несмотря на криминализацию бытового насилия статьёй 126¹ Уголовного кодекса РУз³ и действие Закона «О защите женщин от притеснения и насилия»⁴. Разрыв между нормой и правоприменением не случаен: он воспроизводится системой причин, которые закон сам по себе устранить не способен.

В криминологическом смысле домашнее насилие — это умышленное деяние, совершаемое лицом, состоящим с потерпевшим в семейных или

¹United Nations. Sustainable Development Goals Report. — New York: UN, 2023. — URL: <https://un.org>.

²Собиров Ш. Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения // Общество и инновации. — 2025. — Т. 6. — № 2/С. — С. 385–401.

³Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-ХП (с изм., внесёнными Законом № ЗРУ-829 от 11.04.2023, ст. 126¹) // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/111457>.

⁴Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснения и насилия» от 02.09.2019 № ЗРУ-561 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4483624>.

квазисемейных отношениях, с целью принудительного установления или удержания власти посредством физического, психологического, сексуального либо экономического воздействия. Системообразующими криминологическими признаками являются: использование доверия и приватности как орудий контроля; цикличная, прогрессирующая динамика деяния; принципиальная невозможность жертвы избежать контакта с агрессором без разрушения всей системы жизнеобеспечения.

Базовым объяснительным механизмом социально-экономических детерминантов служит теория аномии Р. Мертона⁵: в постсоветском Узбекистане патриархальный императив мужчины-кормильца сохраняется как культурная цель, тогда как институциональные средства её достижения — занятость, достаточный доход, стабильный статус — систематически недоступны для значительной части мужского населения. Накопленная фрустрация, не находя легитимных каналов разрядки, конвертируется в насилие в отношении наиболее зависимого и уязвимого субъекта — члена семьи. Трудовая миграция усугубляет эту динамику, разрушая внутрисемейные связи и порождая ролевую неопределённость.

Культурно-традиционные детерминанты образуют наиболее инертный пласт причинности: ментальные установки изменяются на порядок медленнее, чем законодательство. Институт «келин», закрепляющий безусловное подчинение невестки мужу и его родственникам, и императив

⁵Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. — 1938. — Vol. 3, No. 5. — P. 672–682.

сохранения брака «любой ценой» функционируют как нормативные фильтры, отсекающие обращения жертв ещё до стадии правового реагирования: 64,4% респондентов признают насилие допустимой платой за сохранение семьи. Психологический детерминант задаётся механизмом выученной беспомощности (Селигман, 1975), описанным Л. Уокер применительно к жертвам насилия⁶: систематическое подавление воли формирует у жертвы убеждённость в тщетности сопротивления — что прямо объясняет массовое примирение на стадии уголовного преследования.

Правовые детерминанты насилия коренятся в длительной институциональной безнаказанности. Согласно теории социального контроля Т. Хирши⁷, отсутствие или слабость правового запрета транслирует обществу сигнал о допустимости соответствующего поведения. Закон ЗРУ-561 (2019)⁸ и ст. 126¹ УК РУз (2023)⁹ сформировали необходимую нормативную рамку, однако три системных дефекта блокируют её реализацию: **(1)** институт примирения де-факто декриминализирует большинство деяний; **(2)** изнасилование в браке остаётся ненаказуемым самостоятельным составом; **(3)** исполнение охранных ордеров не обеспечено ни техническими средствами контроля, ни санкцией за нарушение.

⁶Walker L. The Battered Woman. — New York: Harper & Row, 1979. — 270 p.

⁷Hirschi T. Causes of Delinquency. — Berkeley: University of California Press, 1969. — 309 p.

⁸ Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснения и насилия» от 02.09.2019 № ЗРУ-561 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4483624>.

⁹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (с изм., внесёнными Законом № ЗРУ-829 от 11.04.2023, ст. 126¹) // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/111457>.

Латентность бытовых преступлений — не побочный эффект, а структурное свойство данного вида преступности: стигматизация жертвы, экономическая зависимость от агрессора, давление махалли и инерционность полицейских практик совокупно обеспечивают сокрытие не менее трёх четвертей реальных случаев. Виктимологический анализ, развитый в работах Б. Менделсона, императивно требует переключения с концепции «вины жертвы» на изучение структурных факторов виктимной уязвимости: финансовой зависимости, отсутствия альтернативного жилья, социальной изоляции. 29 кризисных центров на 36 млн населения — это в 12 раз ниже норматива ООН¹⁰. Критически значим гендерный состав суда: 96% судей, рассматривавших дела по ст. 126¹ УК РУз, — мужчины¹¹, что системно снижает чувствительность правосудия к специфике виктимизации.

Выводы:

1. Домашнее насилие детерминировано конвергенцией четырёх причинных пластов (аномия, распад социального контроля, патриархальные нормы, выученная беспомощность), ни один из которых не устраняется законодательными мерами в отрыве от остальных. Однофакторная профилактика заведомо неэффективна.

2. Нормативная база Узбекистана (2019–2024) опережает законодательство большинства стран Центральной Азии, однако разрыв

¹⁰ Собиров Ш. Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения // Общество и инновации. — 2025. — Т. 6. — № 2/С. — С. 385–401.

¹¹ UNDP Uzbekistan. Analysis of Judicial Practice on Domestic Violence Cases (Criminal cases). — Tashkent, 2024. — URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/publications>.

между нормой и правоприменением носит системный, а не ситуативный характер: он воспроизводится через институт примирения, латентность и дефицит инфраструктуры поддержки жертв.

3. Уголовная норма, не подкреплённая экономической независимостью жертвы и доступностью кризисных служб, является декоративной: структурные факторы виктимной уязвимости блокируют её практическое применение независимо от строгости санкции.

Практические предложения:

4. **Устранить правовые условия безнаказанности:** исключить примирение на досудебной стадии по всем составам ст. 126¹ УК РУз; криминализировать изнасилование в браке в отдельной части ст. 118 УК РУз; ввести обязательный прокурорский контроль за каждым фактом прекращения дела о домашнем насилии.

5. **Ликвидировать инфраструктурный дефицит:** довести число кризисных центров до норматива ООН (1 место на 10 000 жителей); обеспечить государственное финансирование НКО правовой и психологической помощи; ввести целевое пособие жертвам насилия на период реабилитации сроком не менее трёх месяцев.

6. **Воздействовать на культурные детерминанты системно:** обязать махаллю фиксировать и передавать сведения о насилии в органы МВД, установив персональную ответственность за необоснованное примирение, повлёкшее рецидив; провести первое национальное обследование распространённости насилия по методологии ВОЗ — без этого данные о масштабе проблемы остаются принципиально недостоверными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. United Nations. Sustainable Development Goals Report. — New York: UN, 2023. — URL: <https://un.org>.
2. Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснения и насилия» от 02.09.2019 № ЗРУ-561 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4483624>.
3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-ХП (с изм., внесёнными Законом № ЗРУ-829 от 11.04.2023, ст. 126¹) // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/111457>.
4. Собиров Ш. Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения // Общество и инновации. — 2025. — Т. 6. — № 2/S. — С. 385–401.
5. Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. — 1938. — Vol. 3, No. 5. — P. 672–682.
6. Walker L. The Battered Woman. — New York: Harper & Row, 1979. — 270 p.
7. Hirschi T. Causes of Delinquency. — Berkeley: University of California Press, 1969. — 309 p.

